

Содержание

1. Прекрасная страна.....	9
2. Бурное прошлое	21
3. Отголоски и отражения	33
4. Зеркальный зал.....	51
5. Fantasia	69
6. Внешность имеет значение	87
7. Жизнь как искусство.....	109
8. Ньюки по четвергам	125
9. Святые отцы.....	143
10. Le Italiane — установки меняются.....	165
11. Любовники и сыновья	183
12. Семейный вопрос	199
13. Люди, которые не танцуют.....	217
14. Выбрать сторону.....	231
15. Ограничение конкуренции	251
16. О мафиях и мафиози.....	263
17. Соблазны и Tangenti.....	275
18. Прощение и Правосудие.....	289
19. Вопросы самоидентификации.....	311
Эпилог.....	333
Библиография	341

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Прекрасная страна

Il bel paese
ch'Appennin parte, 'l mar circonda e l'Alpe.

«Прекрасная страна, что разделена Апенниннами и окружена морем и Альпами».

Петрарка. Канцоньере, CXLVI, ll. 13–14 (1373)

Никому не пришло бы в голову начинать книгу с описания Порта Пиа.

Расположены они в одном из наименее привлекательных уголков центра Рима — месте, где соседствуют архитектурные стили разных эпох и их представители поглядывают друг на друга с подозрением, словно свекровь с невесткой. Самое большое здание в округе — Британское посольство, построенное в 1970-х годах. Архитектор сэр Бэзил Спенс очень старался, чтобы его творение удачно вписалось в окружающее пространство. Но уверенности, что ему это удалось, нет. Здание посольства напоминает огромный бетонный полупроводник, выдернутый из материнской платы гигантского компьютера.

Ворота — те самые Порты — названы в честь Пия IV, последнего покровителя Микеланджело, папы римского, который привел к успешному завершению Тридентский собор и тем самым положил начало Контрреформации. Друг и биограф Микеланджело Джорджо Вазари писал, что художник предложил Пию три проекта ворот и тот выбрал самый недорогой*. В наши дни

* Возможно, Микеланджело припомнил Пию этот выбор. В центре башни над воротами и по обе стороны входа есть странное украшение, которое подозрительно похоже на чашу с изящно брошенным полотенцем. Некоторые считают, что это намек на происхождение Пия. Поговаривали, что он ведет свой род от семейства миланских цирюльников.

эти ворота образуют одну из сторон более масштабного сооружения — ту, что обращена к центру Рима. Вопрос о том, какая часть задумки Микеланджело уцелела, остается открытым. Изображения ворот на монете чеканки 1561 года, когда началось строительство, и на гравюре, сделанной через три года после окончания работ, существенно различаются.

В XIX веке другой Пий — папа римский Пий IX — разместил позади ворот Микеланджело (если считать, что они все еще имели отношение к Микеланджело) внутренний двор, а также добавил новый фасад в неоклассическом стиле, обращенный в противоположную от центра города сторону. За внутренним двором между двумя фасадами Пий IX построил несколько зданий таможенных постов. Рим тогда еще был столицей Папской области — обширной территории, управлявшейся папами с VIII века, последний правитель которой с негодованием отказался присоединить ее к новому государству — Италии.

Каждая из сторон Порта Пиа продолжается Стеной Аврелиана. Она была построена в III в. для защиты Древнего Рима. Величественная и крепкая стена с большим или меньшим успехом защищала город на протяжении 15 веков. Только пробив в ней дыру в полусотне метров к западу от Порта Пиа, итальянские отряды смогли пробраться в Рим и таким образом завершить объединение полуострова, положив конец светской власти пап. Многие солдаты, прорвавшиеся сквозь брешь в то сентябрьское утро 1870 года, принадлежали к элитному корпусу новой итальянской армии, известному как берсальеры («меткие стрелки»). Позже таможня у Порта Пиа была превращена в музей берсальеров.

В целом окрестности ворот беспорядочно эклектичны. Однако этот район площадью всего в пару сотен квадратных метров напоминает обо всех периодах истории, которыми итальянцы особенно гордятся, — о Римской империи, Ренессансе и Рисорджименто*. Некоторые, хотя и не все, включили бы

* Рисорджименто — движение, которое привело к свержению иностранных правителей Италии и объединению страны в XIX веке.

в этот список еще и папскую власть, и Контрреформацию, которые принесли с собой великолепие барочных церквей Рима.

Какой еще народ, сравнимый с итальянцами по численности, мог бы претендовать на столь выдающийся перечень достижений? Эта нация — даже если до недавнего времени она не считала себя нацией — создала империю, объединившую Европу, и совершила крупнейший культурный переворот в западной истории, который предопределил все наше современное мировоззрение. Кроме того, итальянский полуостров стал главным средоточием христианского мира.

Ни один другой народ не может похвастаться таким количеством великих художников и скульпторов: это, безусловно, Леонардо, Микеланджело и Рафаэль. Но также Донателло и Бернини, Пьеро делла Франческа, Боттичелли, Тициан и Караваджо. Есть и другие, такие как Мантенья, — они далеки от первых в списке, но были бы провозглашены национальным культурным достоянием в большинстве других стран Европы. Далее идут архитекторы — Брунеллески, Браманте, Палладио; литераторы — Данте, Петрарка, Боккаччо. И конечно, композиторы. Италия дала миру Вивальди и семейство Скарлатти, Верди и Пуччини.

Святой Бенедикт, Святой Франциск и Святая Екатерина Сиенская также были итальянцами, равно как и Галилей, Христофор Колумб и Мария Монтессори. Среди прочего, мы обязаны этой стране григорианским календарем, языком музыки, часовыми поясами и методом двойной записи в бухгалтерском учете. Итальянцы изобрели телеграф, сейсмограф и электрические батареи.

Они дали нам оперу и Венецию, соборы Святого Петра и Святого Марка, кафедральные соборы в Милане и Флоренции, падающую Пизанскую башню и фонтан Треви. Большинство людей знают названия таких исторически значимых городов, как Болонья, Перуджа и Неаполь, даже если никогда в них не бывали. Но есть и другие, разбросанные по Италии, о которых слышали

немногие иностранцы, места вроде Трани и Мачераты, Верчелли и Козенцы — они вмещают больше культурных сокровищ, чем все Соединенные Штаты вместе взятые.

Это умопомрачительное наследие несомненно завораживает любого, кто приезжает в Италию. Но картинка, которую увозят в своем сознании туристы, садясь в самолет на обратный рейс, если и не ошибочна, то уж точно дает мало представления о послеантичной истории страны и жизни большей части ее населения после падения Римской империи. Более наглядно об этом расскажет укрепленная средневековая башня всего в паре сотен метров к западу от Порта Пиа. Она была возведена в IX веке и реконструирована между XII и XIV веками. Это одна из многих башен, встроенных через равные промежутки в Стену Аврелиана, которая тянется по обе стороны от Порта Пиа.

Почти полтора тысячелетия большая часть того народа, который мы сейчас называем итальянцами, либо жила под властью чужестранцев, либо обитала на территориях столь крошечных и слабых, что постоянно находилась под угрозой завоевания. Почему? Для Луиджи Барзини, автора, пожалуй, наиболее известного портрета своего народа, это был «главный из всех итальянских вопросов»: «Почему Италия, земля, как известно, изобилующая энергичными, находчивыми и умными людьми, всегда ведет себя так безропотно? Почему ее захватывали, опустошали, разворовывали, унижали в каждом столетии и тем не менее она не предпринимала ничего, чтобы защититься?»

Отчасти ответ надо искать в географии, способствующей раздроблению страны. Почти десятая часть итальянцев живет на острове, физически отделенная от всего остального народа. Сицилия, самый большой остров в Средиземном море с численностью населения почти как в Норвегии, достаточно велика, чтобы быть отдельным государством. Ландшафт острова не менее разнообразен, чем у многих более крупных территорий. Песчаные пляжи и скалистые берега, крутые склоны цитру-

совых рощ и волнистые пшеничные поля — все это типичные пейзажи Сицилии. К востоку от Катании есть обширная равнина и несколько горных цепей, пик одной из которых достигает высоты 2000 м. Впрочем, даже это кажется мелочью по сравнению с Этной — самым высоким в Европе действующим вулканом, который выше упомянутого пика в полтора раза. Замыслы соединить Сицилию с остальной Италией мостом или тоннелем появились еще во времена Римской империи. Кратчайшее расстояние от острова до материка составляет всего 3 км, однако ни один из таких проектов так и не был реализован — в наши дни не в последнюю очередь из опасений, что столь масштабное строительство станет золотым дном для сицилийской Коза ностра и Ндрангеты из Калабрии — области по другую сторону Мессинского пролива.

Сардиния, второй по величине остров в Средиземном море, находится в пяти часах пути на пароме от порта Чивитавеккья к северу от Рима или в десяти часах от Генуи. Изумрудный берег на северо-востоке острова стал местом отдыха звезд Голливуда, европейских светских львов, арабских шейхов и русских олигархов. Однако остальная часть Сардинии пустынна, а ее гористый регион и вовсе малообитаем. В отдаленном горном районе Барбаджа, когда-то известном своими бандитами, продолжают практиковать обычай кровной мести, корни которой в иных случаях уходят в прошлое на десятки лет.

Зимой жители Липарских и Эгадских островов у побережья Сицилии, Понцианских островов в Тирренском море, Тосканского архипелага и даже таких островов, как Капри в Неаполитанском заливе, могут быть отрезаны от материка по нескольку дней подряд из-за плохой погоды. Жители Лампедузы, что в 112 км от побережья Северной Африки, находятся дальше от своих итальянских собратьев в Альпах, чем жители Нью-Йорка от жителей Атланты, штат Джорджия.

На материке итальянцы также отделены друг от друга, но больше скалами, чем водой. О ней редко так говорят, но Ита-

лия — одна из самых гористых стран Европы. Альпы тянутся широкой аркой через север страны, так что в зимние ясные дни их заснеженные вершины отчетливо видны как из Венеции на востоке, так и из Турина на западе. К югу от долины реки По, которая пересекает на севере почти всю страну, вздымаются другие горы. Горная цепь Аппенин тянется вдоль полуострова и распадается на отдельные горные массивы, поворачивая к Калабрии, «мыску» итальянского «сапога». Однако итальянцы не считаются горным народом, потому что подавляющее их большинство живет в низине, которая занимает меньше четверти площади страны и состоит в основном из долины По и прибрежной полосы, окаймляющей полуостров.

Южную часть полуострова часто считают одним цельным регионом, но на самом деле она весьма разнообразна. Прибрежные районы Калабрии достаточно типичны для средиземноморского побережья. Но в глубине ее возвышаются два крупных труднопроходимых горных района: горное плато Сила на севере и массив Аспромонте на юге. Апулия — «каблук сапога» — напротив, по большей части плоская, как раскатанное для пиццы тесто. Ее бескрайние песчаные пляжи в последние годы пользуются у туристов все большей популярностью.

Между Калабрией и Апулией находится Базиликата — один из красивейших и наименее известных уголков Италии. Большая его часть гориста, а почти вся остальная покрыта холмами. Хотя Базиликата и остается одним из самых бедных районов Италии, она имеет все шансы разбогатеть за счет недавно обнаруженного крупного нефтяного месторождения Темпа-Росса. Организованная преступность, цветущая пышным цветом в Калабрии и чуть скромнее в Апулии, здесь пока не так распространена.

Более северные области Молизе и Абруццо также гористы. Жители Абруццо, по крайней мере те, кто живет во внутренней части региона (он также включает широкую прибрежную полосу), наделены всеми качествами, которые традиционно

приписывают горцам, включая физическую выносливость и упорство. В столице Абруццо Л'Акуиле базируется единственная заслуживающая внимания в Меццоджорно* регбийная команда. Л'Акуила расположена в потрясающем месте — на широкой равнине, окруженной с севера и юга горами. Однако жители Л'Акуилы не только наслаждаются величием природы, но и вынуждены постоянно помнить о ее безжалостности. Абруццо — сейсмически активный регион, в 2009 году в Л'Акуиле произошло мощное землетрясение, четвертое в истории города. Его жертвами стали больше 300 человек.

Кампания — регион, в котором расположен Неаполь, — предлагает более узнаваемый образ южной Италии. К югу от Неаполя находится заслуженно знаменитое Амальфитанское побережье. Далее, к югу от Салерно, лежит еще одна прекрасная, но куда менее известная область Чиленто. Сам Неаполь расположен в не менее восхитительном месте, чем Л'Акуила. Широко раскинувшийся Неаполитанский залив с нависшим над ним курящимся Везувием можно видеть на бесчисленном множестве старых гравюр. В те времена, когда были сделаны первые из них, Неаполь считался раем на земле. Гете, посетивший город в 1787 году и, похоже, не заметивший той бедности, которая всегда была свойственна Неаполю, описал его как место, где все «живут в своего рода хмельном самозабвении». Интересно, что он сказал бы о городе и его окрестностях сегодня. Кампания — беднейший и самый депрессивный регион Италии. Приезжающие туристы обычно видят только Капри или такие курорты, как Сорренто и Позитано, но большая часть населения Кампании проживает в обширных пригородах Неаполя и Салерно, в опасно расположенных или плохо построенных панельных домах — все это видимые проявления коррупции и всепроникающего присутствия местной мафии, Каморры.

* Так называют южную часть Италии — примерно треть всей материковой части, также сюда часто включают Сицилию и Сардинию.

К северу от Кампании находится Лацио — земля латинов, древний Лаций. Большая его часть представляет собой равнину, особенно вблизи Латины, которая, несмотря на антично звучащее название, появилась только в 1930-х годах, при Муссолини, когда были осушены местные болота. Однако в Лацио есть и холмистая местность, известная как Colli Romani (Римские холмы), где во дворце на краю потухшего вулкана расположена летняя резиденция папы римского. И даже кусочек Апеннин попадает в этот регион. Зимние гости Рима, которые отваживаются забраться на Яникул ради панорамного вида города, изумляются, когда видят сразу за холмом ряд заснеженных вершин. На самом деле они не так близки, как кажется; тем не менее вы можете отдохнуть на горнолыжном курорте, который находится меньше чем в двух часах езды от Рима.

За пределами столицы начинается пейзаж, характерный для Умбрии и Тосканы. Еще до того, как вы покинете Лацио по Autosole — главной автостраде Италии, идущей с севера на юг, на горизонте появятся крупные каменные глыбы с прямыми сторонами и плоским верхом. Некоторые из них обитаемы: например, на одной находится Орвието, один из многих в центральной Италии городов на туфовом холме, где с давних времен укрывались от неприятеля.

Умбрия — это единственный регион без выхода к морю, но в нем почти нет гор, за исключением юго-восточной части. В основном это край высоких зеленых холмов, зимой (а иногда и летом) обильно поливаемых дождями. Дожди, выпадающие над Умбрией, также питают мелкие воды озера Тразимено — редкий пример бессточного озера: в него не впадает и из него не вытекает ни одной реки.

Большинству людей Тоскана запоминается бесподобными холмистыми пейзажами Кьянти между Сиеной и Флоренцией. Но и в этом регионе ландшафт очень разнообразен. К югу от Сиены находятся crete senesi (дословно — «сиенские глины»), которые, высыхая, летом приобретают вид лунного пейзажа.

К северу от Флоренции тянется крупный индустриальный район. А дальше лежат все те же горы. Самые знаменитые из них располагаются на северо-западе Тосканы. Именно здесь находятся Каррарские каменоломни, которые со времен античности снабжали скульпторов мрамором. Давид и Пьета работы Микеланджело были вытесаны из камня, добытого на горных склонах недалеко от Каррары. Небольшая часть Апеннинского горного массива отделяет Тоскану от Марке и его широкой прибрежной равнины.

На севере, где Апеннины поворачивают к западу, равнина расширяется до тех пор, пока не сливается с долиной По в регионе Эмилия-Романья. Как понятно из названия, он состоит из двух областей: Романьи на юге с ее хорошо развитыми туристическими курортами, в числе которых Римини, и Эмилии, которая простирается вплоть до реки По и славится своей сельскохозяйственной продукцией, а также самой яркой кухней, какую можно найти в Италии. Парма, родина одноименной ветчины и сыра пармезан, находится именно в Эмилии.

Крупнейшие регионы долины По — Венето и Ломбардия. Венето отделяет от остальной Италии даже не столько география, сколько отношение жителей Венеции к обитателям равнинных прибрежных районов, на которых они всегда посматривали свысока, как на неотесанных крестьян. В прибрежной полосе расположено несколько исторически значимых городов, таких как Падуя, Верона и Виченца, но до относительно недавнего времени эта область была одной из беднейших в Италии. Вплоть до Первой мировой войны она была самым крупным источником эмиграции из страны. И даже годы «экономического чуда» в Италии (с начала 1950-х до начала 1960-х) не очень-то повлияли на отсталость региона. Только в 1970-х в Венето начался экономический рост — настолько быстрый, что сейчас это третий из самых богатых регионов после Ломбардии и Лацио. О его процветающей, ориентированной на экспорт промышленности свидетельствуют фабрики и склады, которые возвышаются над горизонтом на фоне лишенных растительности пейзажей.

Ломбардия топографически похожа на большинство других регионов: от долин на юге, по обе стороны По, можно подняться через холмы к горам. Что действительно отличает ее от остальных — это потрясающе красивые озера. Самые крупные из них — Лаго-Маджоре на границе со Швейцарией, Комо и Гарда. В Ломбардии находится финансовая столица Италии Милан, и традиции предпринимательства и благополучия здесь, в отличие от Венето, уходят корнями в Средние века. Милан расположен примерно посередине огромного промышленного «коридора», который тянется от Местре, что в Венецианской лагуне, до Турина — столицы Пьемонта.

Когда-то Пьемонт был политически объединен с Савоем, находящимся по другую сторону Альп на территории современной Франции, и потому стал лазейкой, через которую в итальянское сознание просачивались идеи из других стран Европы. Правители Пьемонта сыграли самую действенную роль в объединении Италии, и именно этому региону новое объединенное государство обязано большей частью своей конституционной, административной и законодательной структуры. Турин, родина автомобильной компании Fiat, был даже в большей степени, чем Милан, центром итальянского «экономического чуда». Однако значимость Пьемонта не ограничивается политикой или экономикой: к югу от Турина раскинулся холмистый край, известный под названием Ланге. Если Эмилия, по общему мнению, главный гастрономический регион Италии, то мало кто будет спорить, что Ланге — самый выдающийся винодельческий регион, родина «Бароло» и многих других вин, возможно, менее известных, но ценящихся очень высоко, таких как «Барбареско». В туманном Ланге также собирают самый большой в Италии урожай белых трюфелей и немалую часть фундука, идущего на производство «Нутеллы».

Далее к югу находится скалистая Лигурия. Втиснутая между Апеннинскими, которые загибаются к западу по направлению к французской границе, и Средиземным морем, Лигурия неве-

лика, но густо населена. Ее побережье, Итальянская Ривьера, было одним из первых мест, которые иностранные туристы открыли для себя в XX веке наряду с Амальфитанским побережьем, на которое она в известной степени похожа. Генуя — столица Лигурии и ее главный порт — веками была центром морской республики, которая соперничала с Венецианской, а иногда и превосходила ее. Прославленный мореплаватель Христофор Колумб был генуэзцем.

Между Ломбардией и Венето находится регион Трентино — Альто-Адидже, на севере которого говорят по-немецки, а на юге — по-итальянски. Эта альпийская область была когда-то частью Австро-Венгрии. Италии ее отдали в награду за переход на сторону союзников во время Первой мировой войны. С 1972 года Альто-Адидже (который его немецкоговорящие жители предпочитают называть Südtirol, то есть Южный Тироль) и Трентино управляются более-менее самостоятельно, как автономные провинции.

Этот регион — один из пяти, имеющих особый конституционный статус. Остальные — это Сицилия, Сардиния и еще два на севере: альпийская Валле-д'Аоста, имеющая прочные связи с Францией, и Фриули-Венеция-Джулия, которая граничит со Словенией и делится примерно поровну на гористую область на севере и равнинную на юге. В течение многих веков реки, берущие начало в Альпах и текущие по долинам, разделяли регион, части которого по несколько раз переходили от Венецианской республики к Габсбургской империи, королевству Италия, Австро-Венгрии и бывшей Югославии.

Непростая история Фриули-Венеции-Джулии многое говорит об итальянцах и помогает объяснить существенные различия между ними. Горы, моря и озера, которые их разделяли — и которые когда-то были гораздо более серьезными препятствиями, чем сейчас, в век автострад, самолетов и скоростных поездов, — предопределили лингвистическое, культурное и гастрономическое многообразие страны. То, что верно для Сицилии, едва ли

будет таковым для Триеста. И то, что верно для умбрийского городка Сполето, не будет справедливо для Норции, которая также находится в Умбрии, причем меньше чем в 30 км, но куда даже в наши дни можно добраться на машине только по горному серпантину самое меньшее за 45 минут.

Однако если бы физические препятствия были самыми значительными препонами для взаимодействия в течение веков, можно было бы ожидать, что самые большие различия будут наблюдаться между жителями востока и запада, потому что, несомненно, главной преградой для общения являются Апеннинские горы. На самом же деле различия между востоком и западом не так уж велики. Наибольший контраст в современной Италии можно видеть между севером и югом. Почему? Ответ на этот вопрос и на «вопрос из вопросов», заданный Барзини, может быть найден только на страницах истории Италии, которые ее жители предпочли бы забыть и о которых едва ли осведомлены иностранцы.

Бурное прошлое

За 30 лет под властью Борджиа Италия пережила войну, террор, убийства и кровопролития, но она произвела на свет Микеланджело, Леонардо да Винчи и Возрождение. В Швейцарии царила братская любовь, 500 лет она прожила в мире и демократии — и что из этого вышло? Часы с кукушкой.

*Гарри Лайм в фильме «Третий человек»,
реж. Кэрол Рид (1949)*

Это было Рождество 800 года. Король франков Карл I, который позже станет известен под именем Карла Великого, присутствовал на мессе в старой базилике Святого Петра. За несколько лет до этого бывший тогда у власти папа римский попросил франков о защите. Франки — германский народ, который создал государство, простиравшееся от современной Германии через большую часть нынешней Франции до Пиренеев. Отец Карла Великого Пипин пришел на помощь папству, и его сын тоже считал себя его защитником. Та поездка Карла в Рим оказалась последней. Его биограф Эйнхард писал, что Карл Великий прибыл в город восстановить порядок после того, как папу римского Льва III атаковали римские заговорщики, которые попытались «вырвать ему глаза и ослепить его».

Более поздний летописец писал: «Когда король ... поднялся после молитвы, Лев возложил на его голову корону и его приветствовали все жители Рима». С тех пор историки недоверчиво поднимают брови, когда слышат, что папа застал Карла Великого врасплох. Но биограф короля Эйнхард настаивал, что Карл «сперва испытывал такое отвращение [к титулу Императора],

что заявил, что не переступил бы порог церкви ... если бы мог предугадать замысел папы».

Как бы там ни было, папский почин и связанные с ним события возымели значительные последствия для Европы, в частности для Италии. Большую часть последующей истории полуострова невозможно понять без осознания этих последствий, некоторые из которых ощущаются и сегодня.

До коронации Карла Великого история Италии шла тем же путем, что и история всей остальной Западной Европы. После распада Западной Римской империи значительная часть континента оказалась открыта набегам кочевников, в основном германских племен, которые получили военное превосходство над римскими легионами. Итальянский полуостров — сердце бывшей империи и место, где римская культура и изобилие достигли своего расцвета — был особенно заманчив.

К концу V века большей частью современной Италии более или менее мирно правил Теодорих, талантливый властитель остготов, восточной ветви готских племен. Если бы его государство просуществовало дольше, об Италии как о политической единице могло бы сложиться более четкое представление. Но остготам довелось править страной всего 60 лет. Одно из немногих напоминаний об этом — великолепный мраморный мавзолей Теодориха, на который и по сей день можно посмотреть в предместье Равенны, которую он сделал своей столицей.

Так или иначе, Теодорих был наместником короля. Его отправили заявить о правах на полуостров в качестве представителя восточной части бывшей Римской империи — государства со столицей в Константинополе (нынешний Стамбул), которое историки позднее назовут Византийской империей*. И как вскоре итальянцам пришлось убедиться, византийский император не забыл, что Италия все еще входила в его владения.

В 535 году он отправил войска, чтобы отобрать страну у наследников Теодориха и вернуть себе. Это стало началом

* В честь Византия, древнегреческого поселения на том же месте.

одной из самых кровопролитных войн в истории. Она затянулась почти на 20 лет и сократила население страны в два с лишним раза. Византийцы в конечном счете победили. Но ресурсы Италии, в том числе людские, были истощены, и она оказалась не в силах противостоять новой волне германских захватчиков — лангобардов.

Их вторжение возвестило наступление очередных 30 с лишним лет постоянных войн, поскольку новоприбывшие принялись выдворять византийцев. Однако так до конца и не справились с этой задачей. К началу VII века Константинополь все еще удерживал Сицилию, Сардинию и значительную часть юга, также как — по крайней мере номинально — и обширную часть полуострова от Равенны на северо-востоке, где у византийского правителя была резиденция, до Рима, где на фоне окружающего беспорядка все более заметную роль в управлении городом и прилегающими районами начинало играть папство*.

В 751 году Равенна все-таки сдалась лангобардам, и Рим, который теоретически находился под защитой Византии, вполне могла постигнуть та же участь. Именно поэтому предшественник Льва искал помощи франков. И они сделали именно то, чего от них ожидали. И даже больше. После победы над лангобардами отец Карла Великого Пипин Короткий передал папству власть не только над Римом и его окрестностями, но и над некоторыми землями на севере центральной Италии, которая номинально была частью Византийской империи. Таким образом он создал Папскую область — теократическое государство в сердце Европы, которое просуществовало более 1000 лет.

Коронация Карла Великого, уже коронованного монарха, была не просто выражением благодарности Льва за военную помощь франков. Папа провозгласил его императором возрожденной Западной Римской империи. Хотя титул, дарованный

* Наиболее значительный из сохранившихся памятников византийского периода в Риме — полуразрушенная церковь Санта-Мария-Антиква на краю Форума. Долгое время закрытая для посещений из-за реставрации фресок, она была ненадолго открыта в 2014 году.

Карлу Великому, был временно утрачен при его наследниках, в середине X века он был обретен вновь, на этот раз навсегда. Земли, которыми управляли императоры, стали впоследствии известны как Священная Римская империя — в названии отражались претензии на легитимность власти, полученной от папства, а через папство — от Бога. Как и Папская область, Священная Римская империя просуществовала до XIX века. Во времена своего расцвета она включала большую часть северной Италии, Сардинию, часть восточной Франции, Швейцарию, исторические Нидерланды, Германию, часть западной Польши, современную Чехию и большую часть нынешней Словении.

Взаимодействие папства с королями франков хотя и имело огромное значение, но заключало в себе немало странностей. Пипин едва ли имел достаточно прав, чтобы передать византийские земли папам. Но у Льва уж точно не было никакого права даровать сыну Пипина титул римского императора. Заявления более поздних пап о том, что они являются наследниками Августа и его преемников, основывались на документе, известном под названием «Константинов дар». Предположительно он содержал доказательства того, что, перед тем как в 330 году сделать Византий столицей, Константин Великий, первый римский император, обратившийся в христианство, вверил западную часть своих владений бывшему тогда у власти папе. Но Константинов дар был подделкой. Его состряпали в папской канцелярии примерно в VIII веке.

Коронуя Карла Великого, Лев, возможно, считал, что таким образом он отстаивает право папства решать, кто будет императором на Западе. Но, кроме того, этим он породил соперничество в праве на наследование Древнего Рима. Борьба притязаний папства, с одной стороны, и наследников Карла Великого — с другой, снова и снова приносила в средневековую Италию смерть и разрушения. После 962 года императорами были германцы, и как только очередной император чувствовал, что пора

подтвердить свою власть или пополнить казну, тут же собиралось войско и шло через Альпы. Города разворовывались, прилегающие деревни опустошались. Происходили массовые убийства, изнасилования и грабежи.

Однако создание новой империи принесло с собой не только войны. Как в Италии, так и в Германии оно также привело к усилению политической раздробленности. Хотя некоторые из императоров Священной Римской империи предпочитали править из Рима, большинство всю жизнь жили по другую сторону Альп. Пап же зачастую больше волновали духовные и теологические проблемы, а не земные вопросы, связанные с управлением. Да и в любом случае их возможности были ограничены: в деле защиты Папской области они полагались на свой авторитет и на наемное войско.

Результатом стало фактическое безвластие в северной части Италии, многие города которой — в особенности те, что имели определенную степень независимости в бывшей Римской империи — перешли к самоуправлению. Последующие папы в своем стремлении ограничить власть императоров Священной Римской империи поощряли распространение этих крошечных полудемократических республик, которые назывались коммунами. Когда же в XIV веке коммуны стали сменяться самодержавными формами правления, Италия к северу от Папской области превратилась в лоскутное одеяло из полунезависимых княжеств, герцогств, маркизатов, графств и небольших поместий с вкраплениями случайно сохранившихся республик. Войны между ними были обычным делом.

Таким образом, жители севера и северной части центральной Италии в поздние Средние века были разделены и слабо защищены. Но до тех пор, пока сохранялись коммуны, их граждане наслаждались такой степенью независимости во внутренних делах, какой нельзя было и помыслить в остальной части Европы. Также они становились все более зажиточными: в конце XI века произошел экономический подъем, который с перемен-

ным успехом продлился до начала XIV века, заложив материальную основу для Ренессанса.

Самой могущественной из северных республик была Венеция. Однако она же была и самой нетипичной. Население Венеции, обитатели лагун, изначально бежавшие от нашествий германских племен, никогда, даже номинально, не подчинялись Священной Римской империи. Они избрали первого герцога, или дожа, еще в VIII веке, после отделения от Византии. Обогатившись за счет торговли с Востоком, особенно после начала Крестовых походов, Венецианская республика, или Светлейшая*, стала влиятельной морской державой. К началу XIII века дожи имели собственную империю, которая со временем распространилась до самого Кипра.

Защищая остальную часть северной и центральной Италии, императоры не только поощряли раздробление региона изнутри, но и отрезали его от юга. В течение 1000 лет после коронации Карла Великого периодически возникали союзы, включавшие то или иное южное государство. Время от времени император шел с армией в Меццоджорно и две части Италии объединялись, хоть и ненадолго, в границах одной империи. Но в остальном север и юг жили независимо друг от друга и развивались как два разных общества.

В IX веке Сицилия была постепенно завоевана мусульманами и оставалась мусульманским эмиратом до конца XI века. «Мысок» и «каблук» итальянского «сапога» все еще находились под прямой властью Византии. Но мусульманские захватчики создали в IX веке еще один сравнительно недолго просуществовавший эмират рядом с Бари. Княжество Ломбардия с центром в Беневенто просуществовало почти 300 лет после вторжения франков (оно было разделено в середине IX века). И когда захват мусульманами Сицилии отделил императоров в Константино-

* Ее официальным названием было La Serenissima Repubblica di Venezia (Светлейшая Республика Венеция). Любой, кто видел лагуну в безветренный день, поймет, как верно это название.

поле от оставшихся владений к западу от острова, несколько областей, формально принадлежавших Византии, на деле стали независимыми.

Одной из них была Сардиния. Местные правители, которые были одновременно и судьями (юдексами), захватили управление юдикатами, на которые был поделен остров. Вскоре юдикаты стали наследственными монархиями, одна из которых сохранялась как независимое государство до XV века. На западном побережье итальянского полуострова несколько портовых городов вместе с прилегающими землями — сперва Неаполь, потом Газта, Амальфи и ненадолго Сорренто — обрели независимость. В частности, Амальфи в X и XI веках переживал свой золотой век и наслаждался богатством и влиянием благодаря торговле с Византией и дипломатическому оппортунизму (как и правители других южных морских государств, герцоги Амальфи не стеснялись заключать союзы с мусульманскими правителями и даже с пиратами).

Сицилия также процветала, и ее золотой век продлился даже дольше. Во времена эмирата Палермо был, пожалуй, самым крупным (после Константинополя) городом в Европе. Но мусульманское господство закончилось, как и власть Византии, когда в беспрестанных конфликтах, бушевавших между мелкими государствами южной Италии, а также между ними и византийскими войсками, стали принимать участие норманнские наемники. К 1071 году эпоха византийского владычества над Италией подошла к концу, а спустя 20 лет ее властителем стал норманн.

Потомки викингов и фанатичные христиане, норманны оказались неожиданно терпимыми и разумными правителями. На Сицилии они позволили слиться арабским, еврейским, византийским и норманнским традициям, создав таким образом впечатляюще эклектичную культуру. И именно норманн в XII веке объединил Сицилию с остальной Италией в границах одного королевства. В результате юг оставался объединен-

ным почти все последующие 700 лет, хотя немалую часть этого периода Сицилия и остальная Италия управлялись как отдельные субъекты одного государства.

В 1194 году император Генрих VI завоевал Сицилийское королевство — таково было обманчивое название объединенного государства, — и в течение следующих 70 лет вся современная Италия, за исключением Сардинии, оставалась в составе Священной Римской империи. В течение 30 из них, при Фридрихе II, остальная часть империи, которая простиралась до Балтийского моря, управлялась из королевства Сицилии, а именно из Палермо, где император провел детство. В правление Фридриха была предпринята, пожалуй, самая решительная до XIX века попытка объединить Италию под властью одного монарха. Однако его усилия встретили сопротивление со стороны коммун и привели почти к 30-летнему военному противостоянию. Фридрих проиграл в борьбе с папским престолом, а через несколько лет после его смерти Сицилийское королевство было вырвано из лап империи французской династией.

Затем остров Сицилия был проигран Арагонской короне — государству в северо-восточной Испании на территории современной Каталонии. Однако в XV веке король Арагона Альфонс V объединил остров (и Сардинию) с остальной Италией. А после того как Арагонская корона объединилась с Кастильской, южная Италия стала владением нового Испанского королевства — государства, которое вскоре стало господствовать в Средиземноморье и далеко за его пределами.

Объединение юга под властью иностранных правителей сильно контрастировало с раздробленностью севера. Но после множества катастроф XIV века, особенно после эпидемии чумы, экономическая деятельность на севере восстанавливалась и постепенно набирала обороты. Также именно в этот период в Сиене и Флоренции появились первые выдающиеся произведения искусства и литературы эпохи Возрождения.

Как верно заметил Гарри Лайм, многие величайшие достижения итальянской культуры пришлось на самые сложные исторические периоды*. За процветанием и началом культурного подъема государств, поглотивших коммуны или пришедших им на смену, не столь заметна была нависшая над ними угроза. К середине XV века, в период расцвета Ренессанса, северная Италия была раздроблена больше чем на дюжину государств. Южнее влияние светской власти пап жестко ограничивала местная знать.

Пока Священная Римская империя покровительствовала северной и центральной Италии, ее жители были защищены от всего, кроме самих себя и случайного гнева императора. Однако к 1300 году этому покровительству пришел конец. И если в V–VI веках Италия была лакомым кусочком для остготов и лангобардов, то в XV веке эта страна — родина Возрождения и богатейшая земля в Европе — стала непреодолимым соблазном для новых национальных государств, начинавших бороться со Священной Римской империей за власть на континенте.

Часто говорят, что немцы так и не оправились от Тридцатилетней войны XVII века, что кровопролитность того судьбоносного столкновения протестантских и католических войск оставила глубокий след в их национальном характере в виде чувства незащищенности, от которого им так и не удалось избавиться. Что-то подобное можно сказать и об итальянских войнах, начавшихся в 1494 году, когда на полуостров вступила французская армия. Почти 60 лет французские, испанские, немецкие и швейцарские войска пересекали Италию вдоль и поперек на фоне головокружительно сложной дипломатии с участием папства, иностранных монархов, султана Османской империи Сулеймана I Великолепного и правителей трагически обособленных и состязающихся друг с другом итальянских государств.

* Впрочем, насчет часов с кукушкой он ошибся. Их изобрели не в Швейцарии, а на юге Германии.

В 1527 году насилие достигло апогея при взятии Рима, которое потрясло всю Европу. Около 20 000 по большей части немецких (и лютеранских) наемников прорвались через городские стены и начали восьмидневную оргию разрушения, которая позже стала известна как «разграбление Рима». Церкви были расхищены, монахи изнасилованы, священники убиты, дома знати сожжены. Бесценные античные сокровища уничтожили или разграбили. Римлян, которых захватчики сочли богатыми, пытали, чтобы они отдали все свое имущество, а если такового не находилось, их все равно чаще всего убивали. Почти четверть населения погибла.

Итальянские войны — не первые в истории полуострова, в которых счеты сводили иностранные государства. Также нельзя сказать, что они были разрушительнее прежних. Но они оказались исключительно унижительными. Эти войны продемонстрировали неспособность итальянцев забыть о разногласиях и сплотиться ради общего блага. Они положили кровавый конец самой прославленной эпохе в истории Италии и возвестили наступление новой, в которую большая часть севера была присоединена к югу под властью чужеземцев. Правителями страны в конце концов стали не французы, а испанцы, которые уже были хозяевами юга — и оказались сильнее. По мирному договору, положившему конец войне, обширные территории Миланского герцогства отошли Испании. Венеция сохранила свою независимость, как и многие другие итальянские герцогства и республики. Но в наступившую эру крупных централизованных национальных государств с имперскими замашками особой свободой действий они похвастаться не могли.

XVI век положил начало экономическому отставанию Италии от других частей Западной Европы, хотя в то время это было отнюдь не очевидно. Предпосылок у него было несколько, но главной стали изменения, произошедшие в мировой торговле. Основные торговые пути теперь пролегали через Атлантику, а не через Средиземное море, а Дальнему Востоку вскоре

предстояло занять место Ближнего Востока в качестве источника импорта для богатееющих народов Западной Европы.

Новый политический порядок, установившийся в результате Итальянских войн, действовал еще 150 лет. Но это не значит, что переходный период был мирным. В первой половине XVII века в Италии произошло еще несколько войн, большинство с участием набиравшего силу Савойского герцогства. Кроме того, войны, предопределившие судьбу полуострова в следующем веке, велись за его пределами. И это лишний раз подтверждает, что итальянские государства стали пешками в шахматной партии, в которой значимые ходы совершались в других частях европейской шахматной доски. Испанию с места властителя, вершащего судьбу полуострова, вытеснила Австрия, которая впоследствии проиграла юг страны испанской ветви династии Бурбонов.

После этого политическая география Италии существенно не менялась до 1796 года, когда Наполеон Бонапарт, по происхождению скорее итальянец, чем француз, стал последним из генералов, переходивших со своей армией через Альпы. Всего на несколько лет французы воцарились в Италии. Наполеон перекроил границы мелких государств и дал им античные названия (так Тоскана, например, получила название «Королевство Этрурия»).

Как только революционная волна улеглась, старый порядок — как и почти во всей остальной Европе — был восстановлен. Испанские Бурбоны, к тому времени уже почти ставшие итальянцами, получили назад юг полуострова и Сицилию. Неистово консервативные, авторитарные и промонархические правители Европы начала XIX века не хотели иметь дела с республиками. Две из них после наполеоновских войн были упразднены. Генуя досталась Савойскому дому, чьи владения включали Сардинию, Пьемонт с восточной стороны Альп и Савой с западной стороны. Венеция, которая уже больше 1000 лет гордилась своей свободой, была передана Австрии вместе с обширными приле-

гающими территориями и остатками Венецианской империи. Австрийцы также получили назад земли бывшего Миланского герцогства и таким образом обрели власть над большей частью северной Италии, которая длилась до Рисорджименто.

Почти 14 веков прошло от низложения последнего императора Западной Римской империи до Объединения, которое последовало за проломом Стены Аврелиана рядом с Порта Пиа в 1870 году: 60 поколений жили в разобщенности, беззащитные перед прихотями чужеземных правителей и мощью иностранных армий*. Такое не может не оставить след в национальном характере.

* Даже русские войска сражались на итальянской земле — в 1799–1800 годах против наступавшей французской революционной армии.

Отголоски и отражения

Noi siamo prodotto del passato e viviamo immersi nel passato.

(«Мы созданы прошлым и живем погруженными в прошлое».)

Бенедетто Кроче.

История как мышление и как действие (1938)

Я только-только начал работать в Италии иностранным корреспондентом, когда получил письмо от читателя, которое переслала мне лондонская газета. В то время отклики были довольно необычным явлением. Электронная почта в середине 1990-х еще оставалась новшеством, и, если вы хотели выразить свое неодобрение (или, что реже, похвалу) журналисту, вам приходилось писать письмо от руки или печатать его на машинке, класть в конверт и нести к почтовому ящику. Немногие читатели решались на это. Те же, кто решался, обычно оказывались психически нездоровыми людьми, или же были крайне восхищены, или негодовали. Тот читатель был ужасно сердит.

За несколько недель до того, скорее ради красного словца, чем серьезно, я назвал Италию «чарующей, но порочной и полной хаоса». Именно последнее слово взбесило моего британского читателя. «Как Вы могли назвать ее полной хаоса?» — спрашивал он. Он переехал в Италию несколько месяцев назад и, напротив, находил, что жизнь в Италии организована куда лучше, чем в Великобритании. Я только что вернулся в Рим из поездки в Неаполь, так что меня это сильно озадачило. Но потом я посмотрел на адрес в верхнем углу конверта. Отправитель проживал в Болонье. Его Италия и моя Италия были в разных вселенных.

Он обосновался в том месте, которое Итальянская коммунистическая партия (ИКП) в годы холодной войны превратила в образцово-показательный город для социалистического правительств. Как я вскоре узнал, посетив Болонью, автобусы там ходили по расписанию, и пассажиры знали, когда те придут, благодаря электронным табло на автобусных остановках. Такие табло были установлены в Болонье гораздо раньше, чем в других европейских городах (20 лет спустя они только начали появляться в Риме). Я же, наоборот, жил и работал по большей части в южной части Италии — там обычно было больше сюжетов для новостей, чем в других местах — и в совсем другом, менее организованном мире, где автобусы разваливались на глазах, а водители не видели ничего особенного в том, чтобы пронестись с ревом через пешеходный переход, по обе стороны которого люди ждут возможности перейти дорогу.

С другой стороны, амбиции коммунистов в Болонье были не единственной причиной, почему она отличалась — и до сих пор отличается — от более южных городов. Чем севернее от Рима, тем больше *civismo*, что переводится как «гражданственность», «социальная ответственность»* или просто «уважение к окружающим», становится реальностью. Общественные места в городах и помещения в зданиях выглядят чище и опрятнее. И все больше ощущается чувство общности.

Традиционно Италию разделяют на три части: северную, южную и центральную. Центр обычно включает территории бывшей Папской области, а также Тоскану. Это удобное деление, скажем, для метеорологов. Но от него мало пользы, если вы хотите понять суть страны. Болонья находится в Эмилии-Романье. Рим — в Лацио. И оба города находятся в центральной Ита-

* Немаловажно заметить, в английском языке эти термины обозначают уважение к куда более широкому кругу людей — к «народу» или к «обществу», тогда как *civismo* происходит от *civis* и *civitas* — латинских слов со значением «гражданин», «гражданство» и жители города-государства. Вероятно, единственное сообщество крупнее семьи, в отношении которого итальянцы испытывают естественное и инстинктивное уважение, — это город, который они считают своим домом.